

Дзевисов Аслан Тимурович

dom-hors@mail.ru

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА
ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ
К РПЦ В 1920-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)**

Аннотация:

Статья посвящена истории борьбы государства с РПЦ и процессу закрытия православных храмов г. Владикавказ в 1920-е гг. Впервые в научный оборот вводятся материалы, которые отражают механизмы осуществления на местах декрета СНК от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах».

Ключевые слова:

церковь, власть, прихожане, репрессии, священники.

Dzebisov Aslan Timurovich

dom-hors@mail.ru

**REPRESSIVE STATE POLICY
TOWARDS THE RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH IN THE 1920S
(CASE STUDY OF NORTH OSSETIA)**

Summary:

The article is devoted to the history of the state's struggle with the Russian Orthodox Church and the process of closing of the Orthodox churches in Vladikavkaz in the 1920s. For the first time ever the author introduces into scientific use the data reflecting the mechanism of implementation of the decrees passed by the Council of People's Commissars "Concerning freedom of worship, church and religious communities", dated January, 20, 1918.

Keywords:

Church, authority, parishioners, repression, priests.

Период 1920-х гг. стал одним из самых противоречивых и трагических в истории Русской православной церкви. В это время политика Советского государства в отношении Церкви была особенно беспощадной и нетерпимой. Священство и верующие, воспринимаемые властью как база оппозиции, подвергались преследованию. Происходило вытеснение христианских ценностей классовыми, уничтожение национального самосознания россиян, многочисленные репрессии против верующих, что не могло не сказаться определенным образом на снижении культурного уровня населения.

Все эти негативные процессы распространялись на провинцию. Первые значительные изменения в приходской жизни Владикавказа отмечены в 1922–1925 гг.

В 1922 г. в городе прошла волна муниципализации недвижимости. Среди прочих были включены в городскую собственность Соборный дом, католический храм, армянская церковь, синагога.

Ужесточение взаимоотношений между властью и верующими произошло в середине 1923 г. в связи с выходом печально знаменитого постановления ВЦИК о закрытии храмов: «Все дела по закрытию временных или постоянных храмов и молитвенных домов всех культов без различия, а также все дела по нарушению договоров с группами верующих о пользовании церковными зданиями разрешаются постановлениями Президиумов Губисполкомов» [1].

Началось уплотнение религиозных общин. Например, Константино-Еленинскую греческую общину перевели в Ильинскую церковь, мотивируя это тем, что «ремонт не производился, тем самым община допустила ухудшение технического состояния здания, чем нарушила ст. 43 постановления ВЦИК РСФСР от 8 апреля 1929 г., поэтому заключенный договор с указанной общиной на арендное пользование культздания считать расторгнутым» [2].

Во Владикавказе кампания массового закрытия храмов имела под собой различные основания. На начальном этапе распространенной причиной указывается нехватка помещений для общественных и хозяйственных организаций. Церковь на Шалдонском кладбище без каких-либо объяснений оказалась переданной Исполкому городского Совета депутатов трудящихся [3]. В шиитской мечети, представлявшей историческую ценность, был размещен склад строительных материалов [4]. Не менее многострадальная судьба Троицко-Братской церкви. Студенческая община города требовала передать здание церкви Клубу студенчества [5]. Комиссия по культурам решила, что это весьма своевременное предложение и при определенных затратах помещение Братской общины может быть переоборудовано под культурно-просветительное учреждение. В 1932 г. община распущена, а в ее помещении решено устроить звуковое кино к 10-й годовщине пионерского движения [6]. Однако скудные капиталовложения (всего 75 тыс. руб.) не позволили осуществить этот проект, и власти решили приспособить Братскую церковь под пионерский клуб. Дошла очередь и до храма на Верхне-Осетинской слободке. В декабре 1929 г. Осетинский научно-исследовательский институт ходатайствовал перед горсоветом о передаче

«здания Осетинской церкви Осетинскому научному музею для использования его в качестве отдела музея, а также для развертывания работы главным образом по линии антирелигиозной пропаганды истории религиозных культов Осетии» [7]. От идеи антирелигиозного музея отказались (решено открыть в бывшей церкви политехнический музей), но глумление над храмом все-таки было учинено. «Новые прихожане» разворотили благочестивые захоронения на территории храма, выбросив на поругание гробы священников и мирян-героев [8]. Осетинская церковь находилась в запустении, однако позже настенные росписи замазаны, помещение долгие годы использовалось под склад «Заготзерно». Но, по-видимому, нашлись во властных коридорах совестливые люди, которые добились второго рождения храма: «Имея в виду, что в здании бывшей Осетинской церкви открывается музей Коста Хетагурова, поэта североосетинского народа, предлагается “Заготзерно” в пятидневный срок переместить на склад по ул. Кирова» [9]. Спустя несколько лет (1939 г.) здесь был все же открыт музей.

Быстрыми темпами на местах храмов возводились культурные заведения. На бюро обкома партии был поставлен вопрос о «закрывтии церковей в рабочих районах, используя освободившиеся помещения для культурных очагов» [10].

Еще одним инструментом воздействия на прихожан было использование храмов под бытовые нужды. Так, в середине 20-х гг. была принята специальная программа, описывающая особые меры по недопущению деятельности храмов: «Засыпают “временно” хлебом, а затем не возвращают верующим; предлагают произвести ремонт в преувеличенных размерах и в явно короткий срок; отказ в регистрации новых членов религиозного общества вместо выбывших; отказ в регистрации служителей культа; начисление налогов в преувеличенных размерах и закрытие храма за неуплату в положенный срок» [11, с. 275].

Страшным приговором звучало обвинение в оппозиции к существующей власти: «Наиболее антисоветской, – записано в информационном отчете Владикавказского Окружного комитета РКП(б), – является одна церковь – Линейная – и эту церковь в значительной степени посещают представители интеллигенции, в частности, учительство» [12]. Гнев номенклатурных атеистов был связан с тем, что клир храма во главе с протоиереем Д. Беляевым остался верным старой (патриаршей) церкви, – не примкнул к обновленцам, положительно воспринимавшихся новой властью. Александрово-Невской (Линейной) общине инкриминировались следующие преступления перед властью:

- допущена антисоветская работа;
- проводились нелегальные собрания.

В результате община в 1928 г. закрыта, активная ее часть выслана [13].

Допускались оскорбительные выпады в адрес служителей культа и верующих. В 1920-е гг. вслед за центральными органами Общества безбожников местные власти начали «охоту на ведьм». В 1923 г. газета «Горская правда» опубликовала ряд обличительных статей о деятельности епископа Малиновского, «уличенного» неизвестным «доброжелателем» в пьянстве, участии в азартных играх, «поведении, которое не к лицу не только епископу, но и простому пресвитеру» [14]. В местной печати широко освещался суд над диаконом Владикавказской Петропавловской церкви П.С. Ткаченко. Его обвинили в развратных действиях, несовместимых с саном. В газете «Власть труда» этот процесс получил политическую окраску, стал показательным, «открывающим целый ряд эпизодов из жизни белого и черного духовенства» [15].

Многие из служителей культа были лишены избирательных прав. Например, с 23 августа 1924 г. по 1 октября 1925 г. по ст. 65 п. «Г» было лишено избирательных прав 65 монахов и других служителей культа [16]. Так, в Президиум Владгорсовета поступила жалоба Коцовой Тамары – дочери священника. Она была лишена избирательных прав «как иждивенка отца-священника». Несмотря на то, что девушка стала социально полезным гражданином, так как работала, Президиум принял решение отказать в просьбе [17]. В то же время зорко следили за тем, чтобы лишенец прочувствовал всю тяжесть своего положения и не претендовал на скорое восстановление в правах: «Гр. Новоятлову И.А., бывшему пресвитеру общины духовных христиан-молокан, в ходатайстве о восстановлении в правах отказать, как недавно освободившемуся от этой должности» [18]; а бывшего священника Королева Г.М., не только не восстановили в правах, но и продлили этот срок «как бывшему офицеру и священнику» [19]. Поскольку статьи, предусматривающей наказание за веру в Бога, в советском Уголовном кодексе не значилось, то людей, преследуемых за религиозность, осуждали по другим статьям (ст. 58 – антисоветская деятельность, враждебная агитация, шпионаж), и по уголовным и по бытовым (как-то: незаконный промысел, спекуляция).

Между социально-экономическими свершениями: индустриализацией, набравшей силу коллективизацией и происходившим в 20-х гг. движением за закрытие церковей и молитвенных

домов прослеживается закономерная связь. Новый строй предполагал новую идеологию, старой – христианской – уже не было места.

Государство повело двойную игру – формально, на уровне юридических документов церковь была отделена от государства, и потому последнее, якобы, не вмешивалось в религиозную сферу и не препятствовало исповеданию любой веры. Разгром церквей стал будто бы делом энтузиазма трудящихся масс. Естественно, что этот энтузиазм умело направлялся властями. С другой стороны, эта деятельность подкреплялась непомерным налоговым бременем, возложенным на церковь, всевозможными обязательными сборами, ущемлением гражданских прав служителей культов верующих. По требованию собраний и сходов трудящихся закрытые церкви, монастыри, синагоги, мечети и другие здания религиозного культа передавались под школы, клубы, музеи и другие культурно-просветительные учреждения.

Таким образом, исследованные государственно-церковные отношения приводят к выводу о том, что отношение к Церкви со стороны государства было враждебным и преследовало цель уничтожения религии. Такая позиция проявлялась в применении административных и идеологических методов борьбы с Церковью.

Ссылки:

1. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). ФР. 47. Оп. 1. Д. 175. Л. 175.
2. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 1. Д. 162. Л. 75.
3. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 2. Д. 31. Л. 156.
4. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 3. Д. 19.
5. ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 1047. Л. 2.
6. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 4 (Ч. 1). Л. 14.
7. ЦГА РСО-А. ФР. 49. Оп. 1. Д. 74. Л. 358.
8. Православная Осетия. 2001. № 4.
9. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Ед. 34 (П). Л. 253.
10. Власть труда. 1929. 12 янв.
11. Пospelовский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.
12. ЦГА РСО-А. ИПД. ФП. 4. Оп. 1. Д. 36. Л. 37.
13. ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 915. Л. 121.
14. ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 175. Л. 15.
15. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 1. Д. 162. Л. 75.
16. ЦГА РСО-А. ФР. 629. Оп. 2. Д. 31. Л. 80–83.
17. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 3. Д. 19. Л. 247.
18. ЦГА РСО-А. ФР. 47. Оп. 1. Д. 1047. Л. 430.
19. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 4 (Ч. 1). Л. 394.

References:

1. *Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (hereinafter - the Central State Archive of North Ossetia-Alania)*, FR. 47. Op. 1. D. 175. L. 175.
2. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 56. Op. 1. D. 162. L. 75.
3. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 629. Op. 2. D. 31. L. 156.
4. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 56. Op. 3. D. 19.
5. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 47. Op. 1. D. 1047. L. 2.
6. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 56. Op. 2. D. 4 (Part 1). L. 14.
7. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 49. Op. 1. D. 74. L. 358.
8. *Orthodox Ossetia* 2001, no. 4.
9. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 56. Op. 2. U 34 (P). L. 253.
10. *Power of labor* 1929, January 12.
11. Pospelovsky, D 1996, *The Orthodox Church in the history of Russia, Russia and the USSR*, Moscow.
12. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, SDI. PT. 4. Op. 1. D. 36. L. 37.
13. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 47. Op. 1. D. 915. L. 121.
14. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 47. Op. 1. D. 175. L. 15.
15. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 56. Op. 1. D. 162. L. 75.
16. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 629. Op. 2. D. 31. L. 80-83.
17. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 56. Op. 3. D. 19. L. 247.
18. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 47. Op. 1. D. 1047. L. 430.
19. *Central State Archive of North Ossetia-Alania*, FR. 56. Op. 2. D. 4 (Part 1). L. 394.